

**На стыке науки и пропаганды:
изучение национального вопроса в межвоенной Польше
(концепции, институции, персоналии)**

Короткова Дарья Александровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: d.korotkova@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

Цитирование

Короткова Д. А. На стыке науки и пропаганды: изучение национального вопроса в межвоенной Польше (концепции, институции, персоналии) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 211–247.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.09

Статья поступила в редакцию 27.12.2024.

Рецензирование завершено 31.01.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

Статья посвящена истории научных и пропагандистских основ польской национальной политики в межвоенный период. Политический курс Польши развивался под влиянием идеологии прометеизма, создателями которой выступили сторонники маршала Ю. Пилсудского. Эта идеология должна была объединить малые народы Восточной Европы вокруг Польши и способствовать распаду России. Описания конкретных организаций, в которых формировалась и оттачивалась эта идеология, в российской исторической литературе практически отсутствуют. В данной статье автор пытается частично восполнить этот пробел. Настоящее исследование посвящено истории специфических научных институтов, созданных специально для изучения различных аспектов национального вопроса в связи с прометейскими идеями. Их характерной чертой было использование серьезной научной базы для решения конкретных политических задач. Варшавские Восточный институт, Институт изучения национального вопроса, Украинский научный институт, а также Научно-исследовательский институт Восточной Европы

в Вильно совмещали функции исследовательской работы, часто по заказу властей пропагандистской деятельности, с сотрудничеством с правоохранительными органами в деле подготовки разведывательных и диверсионных кадров. В статье сделан обзор целей и задач этих организаций, перечислены их руководители и описаны ключевые моменты их истории.

Ключевые слова

Прометеизм, Научно-исследовательский институт Восточной Европы, Институт изучения национального вопроса, Украинский научный институт, Восточный институт, Тадеуш Голушко, Леон Василевский.

Изучение идеологии и практики прометеизма, важного польского политического проекта, представленного сторонниками маршала Ю. Пилсудского в середине 1920-х гг., проводилось главным образом в эмигрантских сообществах после Второй мировой войны, большей частью его наследниками и продолжателями. Рефлексия над событиями межвоенного периода, дискуссии о верности курса Пилсудского и его наследников вылились не только в чисто научные результаты, но, главным образом, сформировали идеологические основы современной польской политики, в частности доктрину Гедройца-Мерошевского. Первым опытом исследования политики прометеизма стала работа польского дипломата и историка международных отношений С. Микулича¹. По его словам, ради ее появления в печати он сознательно пошел на то, чтобы книга была недостаточно фундированной и выглядела бы даже журналистским расследованием, дабы не вызвать подозрений в нездоровом интересе к теме². В 2010 г. был создан существующий по сей день журнал «Nowy Prometeusz», посвященный исключительно прометейской³ тематике. Наиболее значимые

1 *Mikulicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.*

2 *Iwański T., Libera P., Gryźlak F. Wywiad s Sergiuszem Mikuliczem // Nowy Prometeusz. 2013. № 5. S. 220.*

3 Правила русского языка требуют использовать производный от названия движения термин «прометеистский». Однако большинство русскоязычных исследователей, видимо, вслед за польской традицией, предпочитают употреблять форму «прометейский» (вариант: «прометеевский»), от названия ключевой организации – парижского «Клуба “Прометей”».

работы по теме принадлежат М. Корнату, изучавшему советологические институции межвоенной Польши⁴. Из относительно недавних работ следует отметить статьи П. Либеры, опубликовавшего ряд статей и сборник документов прометеической политики⁵. Обращались к ней также белорусский исследователь А. Кравцевич, польские историки А. Новак, Б. Святловский и другие. В России интерес к теме не вылился в фундаментальные исследования. Единичные статьи посвящены общим основам идеологии. В первую очередь следует отметить статьи Т. М. Симоновой⁶. Казанские историки Я. Я. Гришин, М. З. Галиуллин, Р. Р. Кадыров посвятили проблеме более обстоятельную работу⁷. В 2020 г. вышел сборник статей известных российских историков и политологов, посвященный внешнеполитическим концепциям межвоенной и современной Польши⁸. Однако обширная и весьма актуальная тематика раскрыта в современной российской историографии далеко не достаточно. Некоторые ее аспекты совершенно не получили в ней отражения.

В данной статье хотелось бы подойти к феномену научно-пропагандистского тыла прометеической политики – истории научных институтов, своего рода *think tanks* по определенным проблемам, связанным с наиболее актуальными аспектами внутренней и внешней

4 Kornat M. *Polska Szkoła Sowieologiczna 1930–1939*. Kraków, 2003; *Bolszewizm – totalitaryzm – rewolucja – Rosja. Początki sowieologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939)*. Kraków, 2003–2004. Т. 1–2; *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)* / pod red. M. Kornata. Warszawa, 2012.

5 Libera P. *Orientalistyczne Koło Młodych przy Instytucie Wschodnim w Warszawie (1929–1939)* // *Nowy Prometeusz*. 2018. № 12. S. 103–117; *Libera P. Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym* // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)*. S. 219–244, etc; *II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego* / pod red. P. Libery. Warszawa, 2013.

6 Симонова Т. М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // *Новая и новейшая история*. 2002. № 4. С. 47–63; *Симонова Т. М. Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920–1930)* // *Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования*. Вып. 1 / отв. ред. Н. Т. Энеева. М., 2005. С. 266–290.

7 Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1 (26). С. 6–6.

8 *Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020*. Сб. ст. / под ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. М., 2020.

политики межвоенной Польши. Автор отдает себе отчет, что данная тема не может быть полностью раскрыта в одной, даже и обширной, статье. Поэтому здесь будет сделан обзор наиболее важных организаций, их руководства и сотрудников, обозначены основные аспекты их деятельности, результаты работы, и по возможности выявлены их связи с государственными органами. Автор опирался главным образом на работы польских, в некоторых случаях украинских и немецких исследователей; там, где это было возможно, привлечены опубликованные источники – в основном ежегодные отчеты о деятельности институтов и их учредительные документы.

Согласно идеологии прометеизма, Польша должна была стать вдохновителем и координатором антисоветской сепаратистской деятельности нерусских народов СССР, оторвать эти народы от России, вернув ее к границам XVII в., и в результате занять ключевую позицию в европейской политике⁹. В политическом смысле данная концепция стала наследницей и заменой федералистской концепции Речи Посполитой как самостоятельного игрока на европейской сцене¹⁰. Многие польские политики считали границы, полученные по Рижскому миру, поражением федерализма. Польский историк А. Новак считает, что отказ от продвижения дальше на восток от границы 1921 г. стал следствием осознания Пилсудским силы поднимающегося национализма новых наций и необходимости сотрудничества с ними с учетом их стремления к независимости.

Новая концепция, хотя и противоречила внутренней политике в национальном вопросе (целью которой была национальная или государственная ассимиляция меньшинств), должна была, по мысли ее идеологов, упрочить положение Польши в качестве значимого лидера в регионе¹¹. Она имела два аспекта: во внутренней политике это борьба с коммунистическим влиянием, а во внешней – сотрудничество польских властей с сепаратистскими движениями в советских республиках, с целью добиться их отделения от СССР, с эмигрантами из Советского Союза в Польше, а также подготовка

⁹ Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм как один из инструментов...

¹⁰ *Krawcewicz A. Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki na przykładzie koncepcji prometejskiej // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Acta Politica. 2014. № 28. S. 25.*

¹¹ *Nowak A. Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni. Kraków, 2007. S. 186–187.*

алгоритма действий на случай его распада¹². При этом ее антикоммунизм был лишь инструментальным, поскольку главной идеей прометеизма была борьба с империализмом России как таковой, независимо от ее строя¹³. Прометейское движение, сложившееся на основе этой идеологии, подразумевало стремление к расчленению России¹⁴.

Ряд прометеистов апеллировали, кроме того, к старинной идее расширения культурного влияния Запада на восток, когда граница с Россией мыслилась как граница цивилизаций европейской и азиатской, варварской. Поэтому поддержка освободительных (от России) национальных движений обретала дополнительный смысл победы прогресса¹⁵.

Главным инициатором этого процесса являлся не кто иной, как Ю. Пилсудский. После майского переворота 1926 г. маршал констатировал, что «быт и существование Польши, такой, какая она сейчас, не являются совершенно определенными». В ноябре 1926 г., во время заседания Комитета защиты государства, он уточнил главный источник опасности: «...Россия в отношении нас может искать реванша... Пока большевики работают над внутренним разложением нашего государства, и это постоянная работа»¹⁶. Таким образом была сформулирована оборонная часть концепции – защита от проникновения коммунистических идей в польское общество. Тактико-оперативную, практическую часть прометейской акции обеспечивала II экспозитура Второго отдела Главного штаба Войска Польского. Однако она требовала развитого «тыла»: подготовленных кадров, имеющих представление о Востоке в широком смысле, владеющих языками народов, на которые Польша намеревалась влиять, площадок, на которых можно было договариваться с эмигрантскими кругами, добиваться их примирения между собой (что далеко не всегда было легкой задачей)¹⁷. Немаловажно было и дать возможность высказываться лидерам эмигрантских организаций.

12 Kornat M. Idea prometejska a polska polityka zagraniczna (1921–1939/1940) // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). S. 56.

13 II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego. S. 16.

14 Ibid. S. 17.

15 Światłowski B. Prometejska racja stanu. Źródła i dzieje ruchu prometejskiego w II Rzeczypospolitej // Poliarchia. 2014. № 2. S. 156.

16 Ibid. S. 157.

17 Ibid. S. 159.

Можно выделить три сферы прометейской деятельности в теоретическом поле: разработка концепции государственного развития в национальном вопросе; поддержка эмигрантов из числа выходцев из СССР (так, в 1930-е гг. финансовую поддержку получали азербайджанцы, грузины, донские и кубанские казаки, туркмены и другие «восточные» с точки зрения поляков народы СССР. Кроме того, грузины служили в Войске Польском)¹⁸. И, наконец, третья сфера – это научные исследования и пропаганда.

Ключевую роль в формировании идеологической основы польской внешней политики, по мысли руководителей 2 отдела Генерального (Главного) штаба, должен был сыграть Восточный институт¹⁹. Другими прометейскими научными площадками являлись Институт изучения Восточной Европы в Вильно и Украинский научный институт в Варшаве и в определенной мере варшавский Институт изучения национального вопроса, созданный по инициативе Л. Василевского.

1. Восточный институт

Как писал автор брошюры, анализирующей польские *think tanks*, член антипольской пронацистской организации «Bund Deutscher Osten» Й. Шомакер, «для изучения непольских народов Восточной Европы работают более мелкие, чем Институт изучения национального вопроса, организации, а именно Восточный институт... Более значительную в этом отношении работу продельвает Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно»²⁰. На самом деле Восточный институт, не являясь, возможно, крупной советологической площадкой в научном смысле, играл ключевую роль в разработке и проведении в жизнь идей прометеизма.

Историю Восточного института исследовали как его наследники в послевоенный период – сотрудники института «Редута», так и современные польские историки. Так, ряд статей институту посвятили М. Корнат и П. Либеря. Обстоятельную монографию на основе диссертации написал о Восточном институте П. И. Май. Касались

18 *Krawcewicz A.* Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki. S. 25.

19 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa, 2007. S. 44.

20 *Schomacker J.* Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation. Berlin, 1939. S. 26.

деятельности института и биографы одного из ключевых прометейских деятелей Тадеуша Голувко²¹.

Первой попыткой создания такой площадки стал в 1921 г. Союз сближения возрожденных народов. В него вошли представители финнов, эстонцев, литовцев, белорусов, украинцев, крымских татар, кубанских казаков, грузин, азербайджанцев и народов Северного Кавказа. В составе Союза была создана Польская секция, а главными идеологами стали соратники Пилсудского упомянутый выше политик и дипломат Тадеуш Голувко, военный, дипломат и разведчик Тадеуш Шетцель и ученый и публицист Владимеж Вакар. Польские покровители эмигрантских организаций старались обеспечить лояльность участников, с тем чтобы Польша воспринималась как естественный союзник будущими лидерами стран региона. Печатным органом Союза стало издание «Союз» («Przymierze»), в котором публиковались статьи на темы восточной политики, национального вопроса, концепции переустройства восточноевропейского региона. Основными авторами были Т. Голувко, В. Вакар, будущий директор Восточного института Станислав Седлецкий и А. Добровольский²².

Однако уже в июне 1921 г. должность министра иностранных дел занял К. Скирмунт – эндек, противник концепций Пилсудского, считавший подобные цели совершенно нереалистичными и стремившийся к нормализации отношений с Россией. Он подписал соглашение, в рамках которого из Польши должны были быть высланы такие лидеры антисоветской эмиграции, как Б. Савинков, Ст. Булак-Балахович и другие. Это подорвало надежды прометеистов, и деятельность Союза была приостановлена.

В 1922 г. под руководством Станислава Корвин-Павловского было создано Польско-Азиатское общество. Оно декларировало как цели чисто научного изучения стран Востока, так и поддержку

21 Kornat M. W kręgu ruchu prometejskiego. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923) i Instytut Wschodni w Warszawie (1925–1939) // Politeja. 2004. № 2. S. 349–391; Libera P. Orientalistyczne Koło Młodych... S. 103–117; Libera P. Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). S. 219–244; Werschler I. Tadeusz Hołówko. Życie i działalność. Z dziejów obozu belwederskiego. Warszawa, 1984; Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego / wstęp, wybór i oprac. A. Chojnowski. Warszawa, 1999.

22 Światłowski B. Prometejska racja stanu. S. 160.

экономической экспансии Польши в страны Азии. Явным успехом Общества стала организованная в 1924 г. Польская торгово-промышленная выставка в Константинополе, пробудившая в Турции немалый интерес к торговле с Польшей²³. Это подвигло польские власти к созданию научной площадки, которая бы занималась научной и информационной поддержкой экономических и политических связей Польши с нероссийским Востоком, что позволило бы поднять авторитет Польской республики и в Европе.

Ряд прометеистов (Т. Голувко, Т. Шетцель, Роман Кнолль) сумели уже к 1924–1925 гг. занять посты в МИД и попытались внедрить в концепции внешней политики элементы своей идеологии²⁴. Сочетание усилий прометеистов с очевидными перспективами развития экономических связей на Востоке вылилось в дискуссии о необходимости создания научно-дидактической площадки, которая аккумулировала бы усилия широкого круга польских ученых на восточном направлении. Организационные собрания Восточного института проходили осенью 1925 г., а общее учредительное собрание института состоялось 12 марта 1926 г. (эта дата и считается официальной датой основания института, несмотря на существующие разночтения в литературе)²⁵.

Таким образом, фактически институт был образован членами двух организаций: прометеяского Союза сближения возрожденных народов и научно-экономического Польско-азиатского общества. Своей целью создатели института провозглашали «изучение восточных стран и народов, популяризацию знаний о них, особенно в сфере языкознания, географии, истории культуры и политической истории». Под «восточными странами», как писали авторы Статута института, подразумевались «страны, лежащие к востоку от границ Польши»²⁶. Руководство институтом было разделено между Опекунским советом, правлением и ревизионной комиссией²⁷. Наибольшее влияние непосредственно на работу института имело правление, в которое вошли: С. Седлецкий – председатель, В. Массальский – вице-председатель, С. Корвин-Павловский – генеральный секретарь, Л. Белявский – казначей и В. Войдыно – «министр без портфеля». Позднее

23 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego... S. 31.

24 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. S. 161.

25 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego... S. 35.

26 Instytut Wschodni w Warszawie. Statut. Warszawa, 1928. S. 1.

27 *Ibid.* S. 6.

в состав правления кооптировались представители МИД и II Отдела Генерального штаба, в том числе Т. Голувко и Эдмунд Харашкевич²⁸.

Первым директором института стал Станислав Седлецкий, пилсудчик, член ППС-революционной фракции, организатор подпольных типографий, сенатор. Он был одним из основателей Союза сближения возрожденных народов, клуба «Прометей» и в целом одним из ведущих деятелей прометейского движения. Несмотря на все свои заслуги, долгое время, пока пилсудчики не заняли основные государственные посты, Седлецкий не мог добиться полноценного финансирования своих идей, связанных с институтом. Это вынуждало опираться на частные взносы, приток которых зависел во многом от второго лидера института, имевшего значительно отличные от прометеистов цели, С. Корвин-Павловского²⁹. Материальная помощь генерального секретаря на первом этапе была неоценима: первые работы института оплачивались просто из его кармана, а первой резиденцией Института в Варшаве по адресу ул. Вспульна 34, кв. 5 стала квартира его родителей³⁰.

Логично, что первоначально С. Корвин-Павловский и его идеи имели в институте большее влияние. Он настаивал на необходимости углубленного изучения восточных языков, укрепления культурных и экономических связей с Востоком, особенно с Китаем. Сам институт первые два года своего существования даже назывался «Восточный институт при Польско-Азиатском обществе»³¹. При институте была создана Школа востоковедения для желающих изучать восточные языки. Для малообеспеченных слушателей школы предполагалась также стипендия³².

Таким образом, уже при основании Восточный институт получил противоречивую структуру и цели: мирная экономическая экспансия в страны Востока в традиционном для России понимании, т. е. Китай, Индию, Ближний Восток, и прометейская пропагандистская и диверсионная акция в советских республиках с целью оторвать их от России и создать региональный союз под польским руководством, направленный против имперских амбиций России, будь она коммунистической или нет³³. Вторую линию представлял директор института Седлецкий.

28 *Maj I. P. Działalność Instytutu Wschodniego...* S. 35.

29 *Ibid.* S. 37.

30 *Ibid.* S. 38.

31 *Ibid.* S. 32.

32 *Ibid.* S. 34.

33 Несколько непривычное для нас понимание Востока заложено не только и не столько персоналиями основателей. Такая структура была

Восточный институт стал при нем центром притяжения как для эмигрантских кругов, стремившихся к тем же целям, так и для польской молодежи, проникнутой прометейскими идеями³⁴.

Воспоминания С. Корвин-Павловского, вышедшие в 1960-е гг., свидетельствуют о наличии конфликта в руководстве института между сторонниками Седлецкого, настаивавшего на превращении института в орудие антисоветской деятельности, и Корвин-Павловского, тяготевшего к чисто научной работе и налаживанию связей на Востоке нероссийском³⁵. Так, он противился превращению Ориенталистского молодежного кружка (о нем ниже) при институте в прометейскую секцию, полагая, что «полякам не о чем ломать копыя с Советским Союзом» и в целом считая ошибочной восточную политику Пилсудского³⁶. Этот конфликт разрешился в конце 1920-х гг. победой Седлецкого. Корвин-Павловский в 1930 г. ушел в отставку с должности секретаря института, оставив за собой руководство Школой востоковедения³⁷.

После майского переворота 1926 г. положение института резко изменилось. Глава восточного отдела МИД Станислав Яниковский считал теперь «сотрудничество с Восточным институтом не просто желательным, а прямо необходимым». Институт стал научным тылом восточной политики польского правительства. Он получил необходимые субсидии из фондов министерства³⁸. Резиденция Института теперь располагалась во дворце Петра Теппера на ул. Медовой, 7 (сейчас здание не существует; в этом месте находится вылет трассы Восток – Запад).

Институт был непосредственно вовлечен в подготовку «материала для возможных диверсионных движений на территории российского государства», однако, как изящно выразился исследователь истории института И. П. Май, не в форме «ординарных акций за деньги»,

характерна для подобных исследовательских институтов в Западной Европе, например в Италии или Германии: даже для немцев Восток в широком смысле начинался уже в Польше. Однако, как показала практика Восточного института, такое объединение оказалось нежизнеспособным. Слишком разные задачи стояли перед польской внешней политикой в Азии, на Ближнем Востоке и в России.

34 *Гришин Я. Я., Галуллин М. З., Кадыров Р. Р.* Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.

35 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego... S. 40.

36 *Libera P.* Orientalistyczne Koło Młodych... S. 133.

37 *Ibid.* S. 135.

38 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego... S. 43.

а в смысле внушения «искренних и чистых помыслов», которые способствовали бы деятельности во благо «освобождения угнетенных народов». Это не имело в глазах сотрудников института негативного контекста, подчеркивает Май³⁹. Таким образом, в институте велась работа по идейной обработке будущих разведчиков и диверсантов на территории СССР. Также в это время оформляется постоянное финансирование работ института из созданного для этих целей «фонда N» II отдела⁴⁰.

В 1928 г.⁴¹ был образован Ориенталистский молодежный кружок (*Orientalistyczne Koło Młodych*), что стало ключевым событием в истории прометейского движения в целом и деятельности Восточного института в частности. Задачей кружка, действовавшего под патронажем института, стало объединение нового поколения представителей советской эмиграции для сотрудничества с польскими властями, а также привлечение к прометейской деятельности польской молодежи. Деятели, стоявшие во главе кружка, Владимеж Бончковский и Владислав Пельц, после 1939 г. стали продолжателями дела Прометея в эмиграции. В 1932–1939 гг. кружок издавал выходивший раз в квартал журнал «*Wschód-Orient*» и еженедельник «*Biuletyn Polsko-Ukraiński*». В этих изданиях публиковались как эмигранты (такие как Ян Кавтарадзе, Джафар Сейдамет, Игнатий Мешегга, Мехмед Амин Расулзаде и Эмир Бах Эддин Курш, часть из которых были одновременно и военнослужащими Войска Польского) так и известные польские ученые (М. Хандельсман, В. Каменецкий, Л. Колянковский и др.). В рамках публикаций «*Wschód-Orient*» кристаллизовались концепции Междуморья, идеи Бончковского о «полносфере» – области влияния польской культуры и общественных институтов в восточнославянском и прибалтийском регионах, влияния, носившего прогрессивный и цивилизаторский характер, даже если осуществлялось brutальными методами⁴².

В 1932 г., в связи с заключением советско-польского пакта о ненападении, деятельность прометеистов пришлось несколько законспирировать, дабы не нарушать договор слишком явно. Непосредственным результатом стало уменьшение субсидии для Восточного института. К тому же на его работе негативно отражались и внутренние

39 Ibid. S. 45.

40 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. S. 163.

41 По данным П. Либеры – фактически в феврале 1929 г. (см.: *Libera P.* *Orientalistyczne Koło Młodych...* S. 129).

42 *Światłowski B.* Prometejska racja stanu. S. 168.

конфликты: уже упомянутый конфликт в руководстве и разногласия в эмигрантской среде, доходившие периодически даже до рукоприкладства⁴³. Молодое поколение эмигрантов не соглашалось на приостановку диверсионной деятельности, которая создавала у них впечатление, что Польша решила отказаться от антикоммунистической и антисоветской борьбы. Антисоветская эмиграция стала обращаться за помощью к Германии и Японии, проявлявшим большую реальную активность. Это грозило тем, что роль Польши в антисоветском фронте была бы сведена на нет⁴⁴. По словам российского исследователя Ф. Сеницына, к концу 1930-х гг. Германия полностью перехватила инициативу и присвоила польские идеи в восточноевропейском регионе, в частности идею антирусского фронта из малых народов⁴⁵. Все более эмигрантские круги ориентировались на гитлеровскую Германию, что в полной мере проявилось уже во время войны. Деятельность же молодого поколения польских прометеистов под руководством В. Бончковского продолжилась в военный и послевоенный период в эмиграции (Институт Ближнего и Среднего Востока «Редута»).

2. Институт изучения национального вопроса

Для исследования проблем национальных меньшинств в самой Польше в 1921 г. был организован Институт изучения национального вопроса (Instytut badań spraw narodowościowych). Он не входил официально в круг прометейских организаций, однако был связан с ними и концептуально, и персонально: инспирировали его создание Т. Голушко и Леон Василевский, видные пилсудчики, а также Марцелий Хандельсман, Станислав Тугутт и Станислав Папроцкий – то есть ведущие участники прометейского движения. Одной из ключевых фигур Института, его создателем и идеологом (хотя формально он занял пост директора института лишь в 1931 г.⁴⁶) стал Леон Василевский, соратник Пилсудского, один из лидеров ППС и бывший министр иностранных

43 Ibid. S. 165.

44 *Libera P.* Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)*. S. 228.

45 *Сеницын Ф.* Доктрина прометеизма в политике Второй Речи Посполитой и Третьего Рейха // *Польша в борьбе за Восточную Европу, 1920–2020*. Сб. статей. М., 2020. С. 66.

46 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowościowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną // *Przegląd polonijny*. 1985. № 2. S. 64.

дел Польши. После смерти Василевского (с 1937 г.) институт возглавил Людвик Колянковский. Заместителем председателя был М. Хандельсман, а научным руководителем Мариан Свеховский. Среди действительных членов института были как известные политические деятели, такие как Ежи Осмоловский, Т. Голувко, Ст. Тугутт, Витольд Каменецкий, так и признанные ученые – профессор Станислав Кутшеба, Эдвард Малишевский, Роман Смаль-Стоцкий, виленские советологи в лице Северина Выслоуха, доктора Станислава Свяневича, Вл. Вельхорского, Цезарии Эренкройц⁴⁷.

Меньшинства в межвоенной Польше составляли свыше 30% населения, что, по мнению ее руководства, представляло немалую опасность как для целостности государства, так и для сохранения ее культуры, ее польского духа. Неудивительно, что элита страны, так долго боровшейся за возвращение своей независимости, была практически едина в своем националистическом настрое. Большая часть политического спектра страны считала необходимой ассимиляцию меньшинств. Спор шел лишь о том, какова она должна быть – государственной, когда меньшинствам достаточно было бы быть лояльными гражданами страны с сохранением своих культурных особенностей, или же национальной, при которой они, потеряв свой язык и культуру, стали бы частью польского народа.

Василевский и его сотрудники были решительными сторонниками первого подхода, справедливо полагая, что, упорствуя в своих намерениях реализовать второй вариант, Польша спровоцирует мятежи на окраинах и в конце концов потеряет восточные территории. Кроме того, опасался он и распространения коммунистической идеологии на восточных кресах, что грозило ее проникновением и в собственно польское общество⁴⁸. Однако, как считает исследователь истории института О. Гротт, для создателей института важной была не только оборонная, но и наступательная часть идеологии: так, для Василевского непольское население кресов должно было стать частью прометейской акции, способствовать в конечном счете развалу Советского Союза, отрывая от него национальные республики⁴⁹.

47 *Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932*. Warszawa, 1932. S. 8.

48 *Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Krakow, 1998. S. 221.

49 *Grott O.* Instytut badań spraw narodowosciowych i Komisja naukowych badań Ziemi Wschodnich w planowaniu polityki II Rzeczypospolitej na Kresach Wschodnich. Krakow, 2013. S. 18.

В частности поэтому Василевский всячески способствовал созданию Украинского научного института.

Ставилась и задача изучить положение польского меньшинства за рубежом. За границами Польши к 1921 г. оказались более 2 млн поляков и лиц польского происхождения: 1 млн в Германии, около 800 тыс. в Советской России, 200 тыс. в Литве, 150 тыс. в Чехословакии, по 50–60 тыс. в Латвии, Румынии и вольном городе Данциге⁵⁰.

Деятельность института на первом этапе сводилась к организации публичных докладов на тему национального вопроса, так что первые несколько лет он представлял собой скорее дискуссионный клуб для политиков и ученых, чем собственно научное учреждение. Однако в 1923 г. пришедшее к власти правое правительство В. Витоса (коалиция Хъено-Пяст) прекратило его финансирование⁵¹. В 1924–1925 гг. деятельность Института была приостановлена⁵².

После майского переворота 1926 г. ряд членов института сочли необходимым возобновить его работу уже на постоянной основе и с четким определением рамок его полномочий. Теперь институт должен был стать сугубо научным учреждением, который занимался бы исключительно исследованиями положения национальных меньшинств «с точки зрения культуры, общественно-экономической и политической ситуации» как в Польше, так и за ее пределами. Однако это совершенно не означало практической бесполезности работ института. Он с самого начала претендовал на то, чтобы стать главным центром изучения ситуации на восточных землях, *think tank* по многим аспектам жизни национальных меньшинств⁵³, будучи рассчитан на тесное сотрудничество с государственными органами, в частности с военным министерством, МВД, министерством просвещения и вероисповеданий, в меньшей степени с МИД. Кроме того, институт делал регулярные рефераты по национальному вопросу как для МВД, так и для МИД Польши. Эти же институции регулярно перечисляли средства (хотя и небольшие), необходимые для текущей работы⁵⁴.

50 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych... S. 64.

51 *Maj I. P.* Działalność Instytutu Wschodniego... S. 30.

52 *Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowosciowych 1922–1932.* S. 11.

53 *Stach St.* The Institute for Nationality Research (1921–1939) – A Think Tank for Minority Politics in Poland? // *Religion in the Mirror of Law Eastern European Perspectives from the Early Modern Period to 1939.* Frankfurt am Main, 2016. S. 149–182.

54 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowosciowych... S. 66.

В 1927 г. председателем правления стал Ст. Тугутт, членами – З. Хоминьский, М. Хандельсман (он стал и заместителем директора), В. Каменецкий, Е. Осмоловский, А. Тарновский, несколько позже – Э. Малишевский. Правление избрало директором института Т. Голушко и генеральным секретарем С. Папроцкого⁵⁵.

Любопытно, что состав сотрудников института привлек особое внимание германских специалистов. Так, упомянутый выше Й. Шомакер писал, что, будучи основной организацией в Польше, занимавшейся проблемой меньшинств, институт концентрировал в своих стенах многочисленных еврейских ученых, таких как М. Хандельсман. Среди сотрудников немецкий автор также особо выделил Ст. Сроковско-го, создателя Балтийского института, а также фактического руководителя научной работы – Ст. Папроцкого⁵⁶.

Институт должен был проводить научную работу в области социологии, истории, экономики, права и статистики (любопытно, что не была упомянута лингвистика, одна из ключевых дисциплин в области национальных исследований). Также задачами института, согласно его Статуту, принятому в 1928 г., были: сбор материалов по национальному вопросу в Польше и за ее пределами; изучение проблем национальных меньшинств в других государствах и международных организациях; подготовка аналитических работ по вопросам, связанным с меньшинствами, по запросу госструктур; и самая амбициозная цель – «создание условий для гармоничного сосуществования всех народов, населяющих Польскую республику»⁵⁷. Отдельным направлением должна была стать разработка темы национальных меньшинств в международном аспекте, прежде всего в связи с Лигой Наций⁵⁸.

Для выполнения этих задач создавались секции Института по изучению национального вопроса по отдельным направлениям: Секция национальных меньшинств в Польше с Украинской, Литовско-Белорусской и Еврейской комиссиями (при этом неоднократно поднимался вопрос о создании комиссий по более мелким меньшинствам – русскому и чешскому, однако их так и не организовали, а также формально была образована, но фактически не работала Немецкая комиссия⁵⁹),

55 Ibid.

56 Schomacker J. Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation. S. 24.

57 Statut Instytutu badań spraw narodowościowych. Warszawa, 1928. S. 4.

58 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowościowych 1922–1932. S. 12.

59 Grott O. Instytut badań spraw narodowościowych... S. 48.

Секция национальных меньшинств на международной арене, Секция польских меньшинств в соседних государствах с отдельной Комиссией по положению поляков в СССР. Также в качестве отдельных подразделений были созданы Семинар по национальным вопросам, библиотека и Картографическая комиссия. Руководящим органом было Правление института. Избиралось оно Общим собранием членов института, которое должно было проводиться ежегодно в первом квартале⁶⁰. Наиболее активной и успешной была работа Украинской комиссии.

В 1927–1939 гг. институт выпускал журнал «Национальный вопрос» («Sprawy narodowościowe»), выходящий раз в два месяца и являвшийся его визитной карточкой, а также ежеквартальный франкоязычный «Questions minoritaires»⁶¹ («Вопросы меньшинств»). Весьма ценной и обширной частью «Национального вопроса» была хроника, освещавшая текущее положение меньшинств с точки зрения политики, экономики и культуры⁶². Различным аспектам жизни меньшинств были посвящены статьи Л. Василевского, В. Лыпацевича, П. Трейденского, Я. Станкевича, Я. Охоты и др.

В 1927–1932 гг. институт занимался главным образом обработкой статистических данных переписей 1919 и 1921 гг. по национальному составу 7 восточных воеводств, а также подготовкой карты расселения различных народностей на территории Речи Посполитой⁶³. В результате подробного изучения данных по 50000 населенных пунктов были подготовлены указатели по расселению украинцев, поляков, литовцев по языковым и религиозным признакам.

Также по заданию и при финансовой поддержке Министерства аграрных реформ были подготовлены и изданы 4 монографии по экономическому положению в тарнопольском, волынском, львовском и станиславском воеводствах. Благодаря этому были получены весьма обширные данные по реальному положению украинского меньшинства в Польше. Работа над ними была закончена в 1931 г. Тогда же институт начал аналогичную обработку данных по положению еврейского меньшинства⁶⁴.

С 1931 г. заработал Семинар по делам национальностей, служивший курсами повышения квалификации для слушателей

60 Ibid. S. 47.

61 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowościowych 1922–1932. S. 8.

62 Ibid. S. 24.

63 Ibid. S. 15.

64 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowościowych... S. 67.

и выпускников высших учебных заведений. В его рамках лекции читали Л. Василевский, Ст. Папроцкий, М. Хандельсман, Вл. Залеский. Их лекции охватывали практически весь спектр проблем, связанных с положением меньшинств в современной им Европе. Ученики также готовили и обнародовали на заседаниях семинара собственные исследования по отдельным вопросам. Слушателями семинара были студенты многих польских вузов⁶⁵.

Одним из важных направлений работы, как особо подчеркивали составители «Отчета за десять лет работы...», был сбор и хранение материалов, посвященных национальному вопросу. Библиотека Института составила к 1932 г. 2662 тома уникальных изданий⁶⁶, к 1936 г. увеличившись до 4582 томов⁶⁷.

Большая экспедиция, продолжавшаяся несколько лет, исследовала языковые и этнические особенности полесского региона. Делегатура института в Вильно под руководством С. Выслоуха проводила аналогичные исследования северо-восточных воеводств, выделяя национальный и социологический аспекты. В начале 1930-х гг. сотрудники института изучали состояние украинской школы на основе результатов школьной переписи 1930/1931 гг. В 1932 г. институт провел конференцию по вопросу вероисповеданий в Польше⁶⁸.

В 1936 г. был организован популяционно-миграционный отдел, изучавший проблемы сезонной миграции в Латвию, миграцию польских евреев в Палестину, а также более общие проблемы, такие как демография Польши, натуральный прирост сельского и городского населения, проблемы урбанизации и эмиграционного потенциала Польши⁶⁹.

Как отмечают исследователи, потенциал коллектива института в полной мере раскрылся в сотрудничестве с созданной после майского переворота Комиссией научного изучения Восточных земель, которой было поручено всестороннее исследование территории и населения кресов с тем, чтобы усилить там влияние польского элемента и костела, улучшить экономическое положение и тем самым интегрировать край в польское общество и государственную структуру⁷⁰.

65 Ibid. S. 69.

66 Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowościowych 1922–1932. S. 29.

67 Boruta M. Instytut badań spraw narodowościowych... S. 71.

68 Ibid. S. 70.

69 Ibid. S. 71.

70 Grott O. Instytut badań spraw narodowościowych... S. 13.

Несмотря на то, что планы основателей института в начале 1920-х гг. практически не удалось провести в жизнь, сама структура смогла стать полезной в качестве исследовательской площадки полугосударственного характера, выполняя непосредственный заказ от различных государственных учреждений⁷¹. В период становления польского законодательства, особенно в части регулирования прав национальных меньшинств, его собрания, помимо прочего, служили площадкой для встреч между представителями польских властных структур с еврейскими, белорусскими и украинскими политиками, готовыми к контакту с польскими властями, помогая, таким образом, конструировать приемлемый баланс интересов в возрожденной республике⁷². В 1930–1938 гг. для МВД выполнялись исследования настроений населения виленского, полесского и волынского воеводств, изучался феномен православных поляков и белорусов-католиков, положение в смешанных в национальном отношении поселениях, а также была подготовлена карта этнической структуры СССР⁷³. В 1937–1938 гг. под эгидой института вышли политически актуальные публикации «Поляки в Силезии за Ользой» В. Свораковского о положении поляков в Тешинской Силезии, а также «Природа современного немецкого национализма» С. Хелиньского и «Народная политика Третьего Рейха» В. Ормицкого⁷⁴. Также несомненно, что в чисто научном отношении вклад института в изучение национального вопроса как в Польше, так и за рубежом огромен. Работы сотрудников института, а также публикации в журнале «Sprawy narodowościowe» служат ценным источником для изучения жизни меньшинств в межвоенной Польше.

Последнее отчетное собрание института состоялось в марте 1939 г., а его деятельность прекратилась вместе с существованием государства в сентябре 1939 г. Здание института на ул. Крулевской, д. 7 в Варшаве было уничтожено бомбой вместе с архивами⁷⁵.

Начало изучению деятельности института было положено статьей краковского историка М. Боруты в 1985 г.⁷⁶. Учитывая специфику журнала, в котором она была издана, а возможно, еще и умыш-

71 Ibid. S. 225.

72 *Stach St.* The Institute for Nationality Research... S. 152.

73 *Boruta M.* Instytut badań spraw narodowościowych... S. 71.

74 Ibid. S. 72.

75 Ibid.

76 Ibid. S. 63–79.

ленно, не желая касаться прометейской составляющей деятельности института, автор сосредоточился на формальной стороне его истории и этнографической работе его сотрудников. Наоборот, почти исключительно политической стороне деятельности института посвящена небольшая статья Ст. Стаха, вышедшая уже в постсоветский период. Он рассматривает его как один из *think tank* польского государства по национальному вопросу⁷⁷. Немного касается деятельности института в связи с личностью Василевского Б. Сточевская⁷⁸, исследовательница его наследия, прежде всего как ученого и идеолога. Наиболее подробно изложена история института, деятельность его сотрудников и подразделений практически на всем доступном материале в обстоятельной монографии О. Гротта. Он также опубликовал ряд документов, связанных с отчетностью института, в частности в рамках совместной работы с Комиссией изучения восточных кресов. Деятельности исследователя Полесья и сотрудника института Ю. Обрембского посвящены статьи А. Энгелькинг. Также освещалась в последние годы деятельность С. Выслоуха, М. Хандельсмана и других сотрудников института⁷⁹.

3. Научно-исследовательский Институт Восточной Европы в Вильно

В Вильно при поддержке Министерства просвещения и вероисповеданий и МИД был организован Научно-исследовательский институт Восточной Европы (и при нем Высшая школа политических наук), сочетавший две функции – научную и антисоветской пропаганды. В частности, именно в этом институте разрабатывалась концепция «двух тоталитаризмов» – немецкого и советского, в равной степени преступных. При этом рамочная концепция

77 *Stach St.* The Institute for Nationality Research... S. 153.

78 *Stoczevska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina... S. 68–71.

79 *Grott O.* Instytut badań spraw narodowościowych...; *Engelking A.* Polska ekspedycja etnosocjologiczna Józefa Obrębskiego w latach 1934–1937: Organizacja: Metody badań: Problematyka: Uczestnicy // *Etnografia Polska*. 2001. T. XLV. Z. 1–2. S. 23–45; *Engelking A.* Nieznani badacze Polesia w latach trzydziestych XX wieku: Roman Chromiński, Jan Teodorowicz, Zygmunt Korybutiak: Z archiwaliów ekspedycji etnosocjologicznej Józefa Obrębskiego // *Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych: Problematyka – badacze – znaczenie / pod red. Z. Jasiewicza*. Poznań: Biblioteka Telgte, 2004. (Prace Komitetu Nauk Etnologicznych PAN. № 12). S. 203–213.

деятельности была модифицированным вариантом немецкого Института Восточной Европы в Бреслау⁸⁰.

Деятельность именно этой площадки освещена в исторической литературе, пожалуй, наиболее подробно. Первые исследования появились в эмиграции⁸¹. В постсоветскую эпоху в Польше выходили статьи, посвященные большей частью отдельным аспектам деятельности института⁸². В 2000-е гг. наиболее последовательно занимались историей института не раз уже упоминавшийся польский историк М. Корнат, выпустивший ряд статей и монографию⁸³, вильнюсская исследовательница Хенрика Ильгевич, итогом исследований которой в 2019 г. стала подробная монография «Научно-исследовательский институт Восточной Европы и Школа политических наук в Вильно (1930–1939)»⁸⁴. В том же 2019 г. вышла в свет книга немецкого историка, долгое время проработавшего в Торуньском университете, Ральфа Шатковского, посвященная исследованиям Восточной Европы в межвоенной Польше⁸⁵. Из последних работ на эту тему стоит отметить вышедшую в 2021 г. статью П. Либеры «Политические аспекты функционирования Института исследования Восточной

80 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939). Warszawa, 2019. S. 21.

81 *Szawlowski R. i H.* Polish Sovietology 1918–1939 // *The Polish Review*. 1972. T. XVIII. № 3. P. 3–36; *Dworek R.* [*Jurkowski R.*]. Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // *Europa*. Pismo Europy Wschodniej. 1989. № 1. S. 5–21; *Dworek R.* [*Jurkowski R.*]. Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // *Libertas*. Kwartalnik Społeczno-Polityczny. 1988. Z. 12. S. 26–47.

82 *Jackiewicz M., Bujnicki T.* Teodor Bujnicki w Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie // Teodor Bujnicki. Ostatni bard Wielkiego Księstwa Litewskiego / ed. by T. Bujnicki. Białystok, 2012. S. 53–54; *Potocki R.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930–1939 // *Przegląd Zachodni*. 2000. № 2 (295). S. 211–219; *Zienkiewicz T.* Literatura rosyjska na łamach biuletynu Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie „Balticoslavica” (1933–1938). // *Acta Polono-Ruthenica*. 2006. T. XI. S. 85–95.

83 *Kornat M.* Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939. Kraków, 2003. S. 15–106; *Kornat M.* Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939). Kraków 2004. T. I. S. 114–115, 129–258.

84 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939). Warszawa, 2019.

85 *Schattkowsky R.* Osteuropa-forschung in Polen 1918–1939. Wiesbaden, 2019.

Европы и Школы политических наук в Вильно»⁸⁶, а также сборник статей «Истоки советологии: Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно. Идеи – люди – наследие»⁸⁷, вышедший также в 2021 г. по итогам состоявшейся в феврале 2020 г. в Вильнюсе конференции, на которой в том числе выступили с воспоминаниями потомки сотрудников института.

Идея создания подобной площадки для изучения Востока в широком смысле вызрела в кругах виленских федералистов во второй половине 1920-х гг. Двойственность целей, как это было с Восточным институтом в Варшаве, – научно-исследовательской и пропагандистской – проявилась и в этом случае. Главной задачей института были советологические исследования, однако также было заявлено и изучение общественных и культурных отношений на территории бывшего Великого княжества Литовского и соседних землях⁸⁸.

Статут Института был составлен в сентябре 1929 г., а утвержден на заседании Научного совета Общества изучения Восточной Европы в Кракове 23 февраля 1930 г.⁸⁹ Новая организация состояла из двух частей – собственно Институт изучения Восточной Европы при Виленском университете им. Стефана Батория и Школа политических наук. Как пишет М. Корнат, создание института стало результатом деятельности историка права Стефана Эренкройца, заместителя госсекретаря и позднее министра просвещения Януша Енджеевича и ректора Виленского университета Витольда Станевича. Именно эти деятели разработали рамочную концепцию института и добились ее принятия министерством вероисповеданий и просвещения. Тогда же, в 1929 г., был прописан план работы и бюджет на 1930 г. За образец взяли немецкие концепции подобных организаций, а конкретно в данном случае – упоминавшийся выше Osteuropa-Institut (Институт Восточной Европы) в Бреслау. Он был хорошо знаком еще одному в будущем активному участнику виленской площадки – Станиславу

86 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej i Szkoły Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939) // *Dzieje najnowsze*. 2021. Rocznik LIII. № 4. S. 67–84.

87 *Początki sowietologii: Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie. Idee – ludzie – dziedzictwo*. Warszawa, 2021.

88 *Ibid.* S. 69.

89 *Kornat M.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii // *Kwartalnik Historyczny*. 2000. Rocznik CVII. № 3. S. 44.

Свяневичу, в течение двух лет, в 1928–1929 гг., работавшему там над диссертацией, посвященной Ленину⁹⁰.

Институт, а особенно организованная при нем Школа политических наук, был тесно связана как персонально, так и идеологически с правящими кругами. В Школе проходили обучение офицеры Генерального штаба. Институт проводил исследования по поручению МИД и премьер-министра⁹¹. Большую поддержку деятельности виленского центра оказывал Януш Енджеевич, министр просвещения, хорошо понимавший необходимость интеллектуальной базы для внешней политики.

Ст. Эренкройц стал председателем правления института, Школу политических наук возглавил Я. Енджеевич. В мае 1933 г. его сменил на этом посту Вл. Вельхорский. Секретарем был назначен К. Окулич, известный публицист и редактор журнала «Курьер Виленский»⁹².

Среди членов правления – основателей института были такие известные ученые и общественные деятели, как бывший городской голова Вильно Витольд Абрамович, уже упомянутые Я. Енджеевич и С. Эренкройц, его жена, видный этнограф Цезария Бодуэн де Куртене-Эренкройц, археолог Тадеуш Ковальский, сенатор и адвокат, участник Рижской мирной конференции Бронислав Кржижановский, Ян Кухажевский, русист Вацлав Ледницкий, редактор газеты «Слово» Станислав Цат-Мацкевич, Станислав Папроцкий, Ян Пилсудский, Ян Розвадовский, Витольд Станевич, Станислав Свяневич, Мариан Свеховский, Северин Выслоух, Леон Василевский, Мариан Здзеховский и др. В 1932 г. присоединились также Эрвин Кошмидер, Владислав Вельхорский и Хадза Серай Хан (представитель литовских татар, в качестве преподавателя турецкого языка)⁹³.

Административный совет подчинялся министру вероисповеданий и народного просвещения. Правление состояло из трех человек: Я. Пилсудский, С. Эренкройц и В. Абрамович. Институт состоял из четырех секций и специальных рефератов: историко-правовая секция под руководством С. Эренкройца, экономическая – В. Завадского, секция истории литературы и языкознания во главе с Я. Отрембским и этнографическая – Ц. Эренкройц. Балтийский реферат возглавил В. Вельхорский – эксперт

90 Ibid. S. 45.

91 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej... S. 70.

92 *Kornat M.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii. S. 46.

93 Ibid. S. 47.

по проблемам развития современной литовской национальной идеи и государственности. Советская проблематика изучалась более пристально, поэтому ей были посвящены три реферата: экономический (С. Свянович), государства и права (В. Сукенницкий) и национальный⁹⁴.

Национальный реферат возглавлял С. Выслоух, первый специалист-белорусовед в межвоенной Польше, написавший исследование, посвященное польской политике на восточных кресах. Он не только читал белорусоведческий курс в Школе при Институте, но и поддерживал деятельность Антона Луцкевича как в Музее белорусской культуры, так и в единственной на всю Польшу белорусской Виленской гимназии. Современные исследователи считают, что своим существованием обе эти институции обязаны помощи, в том числе финансовой, Выслоуха. Также он выступал на процессе Белорусской громады в 1927 г. в качестве ее защитника. Активный критик польской политики на восточных кресах, он призывал к ее пересмотру. Процесс 1927 г. против Белорусской громады он рассматривал как поражение Польши на белорусско-литовских землях⁹⁵.

Выслоух также подготовил и провел масштабное исследование положения белорусского населения на восточных кресах Речи Посполитой по поручению Совета министров. Данное исследование должно было лечь в основу реформ на кресах. В течение трех лет по его поручению проводились опросы крестьян северо-восточных воеводств. Изучался комплекс вопросов как культурно-образовательного, так и социально-экономического плана. Работа была завершена летом 1939 г., поэтому обработка материалов была уже практически невозможна. Выслоух был интернирован, однако вскоре Вильно было передано Литве, что дало ему, кроме свободы, и возможность завершить данный труд уже для правительства в изгнании⁹⁶.

Институт изучения Восточной Европы, по словам М. Корната, имел финансовую поддержку из трех источников: бюджета Виленского университета им. Стефана Батория, Общества друзей науки в Вильно и вновь созданного в Кракове Общества изучения Восточной Европы и Ближнего Востока⁹⁷.

94 Ibid. S. 48.

95 Iwanow M. Seweryn Wysłouch – założyciel polskiej białorusystyki // Wysłouch S. Stosunki narodowosciowe na terenie wojewódstw wschodnich (Wilno 1939/40). Warszawa, 2013. S. XXVI.

96 Ibid. S. XXXI.

97 Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii. S. 48.

Как уже было отмечено, Виленский институт, подобно Восточному, имел изначально противоречивую концепцию. Сочетание советологии с литовскими древностями привлекало слишком разных студентов. Неизбежно возникали конфликты. Один из первых противников деятельности института входил в число его основателей. Известный виленский консервативный журналист Ст. Цат-Мацкевич писал еще в 1934 г., а затем повторил свои обвинения в 1935 и 1936 гг., во время судебного процесса левой молодежи, что, допуская к изучению советологии неподготовленную молодежь, Школа политических наук способствует распространению коммунистических идей⁹⁸. Он предлагал либо расширить программу обучения, чтобы слушатели получали иммунитет против «советской заразы», либо ограничиться только советологическими студиями, но тогда Школа должна была бы принимать в слушатели только выпускников высших учебных заведений, взрослых людей, которых гораздо труднее увлечь деструктивными идеями. В 1936 г. специальная комиссия, проведя исследование работ школы и института, согласилась с выводами журналиста и признала необходимость реформ.

Основную вину в увлечении молодежи коммунистическими идеями Цат приписывал профессору Школы Хенрику Дембиньскому⁹⁹, который вместе с группой своих единомышленников оказался на скамье подсудимых в 1937 г. Их обвинили в издании просоветских журналов «Po prostu» и «Karta», которые получали финансирование от Коммунистической партии Польши и призывали к перевороту¹⁰⁰.

Эти два процесса глубоко поразили виленское общество. Видя склонность молодежи в Школе политических наук к левым взглядам, власти стали вмешиваться непосредственно в учебный процесс. Основные изменения связаны с именем одиозного виленского воеводы Л. Бочаньского. Он счел невозможным чисто научное и теоретическое изучение коммунизма. Апеллируя к пограничному положению воеводства, он настаивал на «тенденциозном» обучении. Снова поднялся вопрос об инфильтрации коммунистических агентов в преподавательскую среду. Наибольшее подозрение вызвал Виктор Сукенницкий, чья супруга, адвокат Галина Заштовт-Сукенницкая, имела тесные связи

98 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej... S. 99.

99 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej... S. 73.

100 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej... S. 100.

с МОПР¹⁰¹ и участвовала в качестве защитника практически во всех процессах против коммунистов на Виленщине¹⁰². Проверка II Отдела подтвердила выводы Бочаньского. «Объективно-научный» подход к изучению коммунистической литературы дезориентировал слушателей и делал их податливыми к коммунистической пропаганде (несмотря на взгляды самого В. Сукенницкого, считавшего советский режим тоталитарным и принесшим регресс в общественном развитии¹⁰³). Было рекомендовано вести обучение советологии «в прометейском духе», о кресах говорить, что они «тянутся к Польше», а историю Прибалтики подавать с точки зрения изначального «польского превосходства»¹⁰⁴. Белорусский и украинский вопросы рекомендовано было преподавать только как часть истории угнетенных народов СССР, а не как самостоятельный вопрос международных отношений или тем более польской внутренней политики. Как пишет П. Либера, данные рекомендации были воплощены в жизнь только частично. Руководство института и школы вполне успешно сопротивлялось попыткам властей превратить его в пропагандистскую площадку и старалось сохранять научную объективность в своих исследованиях¹⁰⁵.

4. Украинский научный институт

Создание Украинского института стоит несколько особняком от государственных или общественных польских инициатив, которым обязаны были своим появлением прочие рассматриваемые здесь площадки. Борьбу за создание украинского высшего учебного заведения во Львове вели местные украинцы с начала 1920-х гг. В 1930 г., поддержав очередную инициативу в этом вопросе Украинского парламентского представительства, польские общественные и политические деятели прометейского движения Л. Василевский, М. Хандельсман,

101 МОПР – Международная организация помощи борцам революции, благотворительная организация, созданная в 1922 г. по решению Коминтерна и оказывавшая юридическую, моральную и материальную поддержку заключенным революционерам и их семьям. Имела отделения в десятках стран мира.

102 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej... S. 78.

103 *Ilgiewicz H.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej... S. 75.

104 *Libera P.* Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej... S. 80.

105 *Ibid.* S. 83.

Т. Голувко и Я. Енджеевич настояли на создании такого института – правда, не во Львове, а в Варшаве, в ведении Министерства народного образования и вероисповеданий. Как пишет польско-украинский исследователь проф. С. Козак, принятие этого решения было связано с началом репрессий против украинского национализма в СССР. Создание украинского института выгодно повлияло бы на позиции Польши в общественном мнении украинцев¹⁰⁶. По мнению харьковского историка А. В. Портнова, польские власти надеялись таким образом перенести в Польшу украинские научные центры из Чехословакии, в частности Украинскую экономическую академию в Подебрадах, где украинская молодежь во время учебы радикализировалась, попадая под влияние ОУН. Однако для этого нужно было отменить запрет иммигрантам селиться в восточных воеводствах, на что власти не решились. Вместо этого было решено привлечь из-за границы видных деятелей украинской эмиграции, таких как Роман Смаль-Стоцкий, Богдан Лепкий, Александр Лотоцкий¹⁰⁷. Обращает на себя внимание, что, несмотря на то что создание института указано как «украинская инициатива, поддержанная группой польских деятелей»¹⁰⁸, учредителем стало только Министерство по делам образования и вероисповеданий. В данном случае, в отличие от других институтов, это была площадка, чья деятельность полностью регулировалась министерством, чье руководство и статут были выработаны министерством и только им. Реальная польская политика в национальном вопросе, особенно что касается внутренней политики, входила в противоречие с прометейскими идеями. Поэтому, чтобы организация не вышла из-под контроля, требовалось плотное руководство такой площадкой со стороны властей.

Руководила институтом Научная коллегия из 4 человек. Директором был назначен проф. А. Лотоцкий (одновременно он возглавлял кафедру права и духовных течений); научным секретарем и заведующим кафедры филологии – проф. Р. Смаль-Стоцкий, кафедру экономических наук возглавил проф. В. Садовский, а кафедру литературы – проф. Б. Лепкий¹⁰⁹.

106 Kozak S. *Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie (1930–1939)* // *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*. Warszawa, 2008. [Т.] 25–26. S. 17.

107 Портнов А. В. *Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльність української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939)*. Харків, 2008. С. 161–162.

108 Pięć lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. Warszawa, 1935. S. 3.

109 Kozak S. *Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie...* S. 18.

Согласно распоряжению Совета министров об учреждении Украинского научного института от 7 февраля 1930 г., целями института были: изучение экономики, культуры и истории украинского народа и подготовка кадров для научной работы. При этом, как писали руководители института в своем последнем отчете 1939 г., «институт обращает внимание не столько на теоретические вопросы, сколько на актуальные проблемы, изучение которых с точки зрения современных условий может иметь и практическое значение»¹¹⁰. Как уточняет С. Козак, основными такими практическими темами были политика Москвы в отношении Украины, голодомор, русификация, репрессии против украинцев, депортации и расстрелы, польско-украинско-российские отношения в период польско-советской войны, ленинская и сталинская политика денационализации¹¹¹. Как видим, тематика работ была действительно вполне актуальна политически, могла становиться подспорьем для антисоветской пропаганды и как таковая являлась орудием прометейской акции. При этом деятельность института имела и несомненную научную ценность. Подобное тесное переплетение научного и политического аспектов деятельности, заметим в скобках, остается характерным для польских исследовательских площадок и по сей день.

Для оглашения результатов изысканий сотрудники института должны были проводить лекции и выступления на украинском и польском языках на различных публичных и академических площадках, издавать научные труды, а также организовать курсы украинского языка для желающих в Варшаве, а затем и в других городах Польши¹¹². Институт издавал на польском языке журнал «Труды Украинского научного института в Варшаве» («Prace Ukraińskiego Instytutu Naukowego w Warszawie»), в котором публиковались польские и украинские ученые.

В рамках института работали: экономический семинар, чьей задачей было изучение современного состояния экономики Советской Украины с учетом новшеств советской политики, состояния ее платежного баланса, внешней и внутренней торговли, отдельных отраслей промышленности и перспектив ее развития, ознакомление

110 Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I.1939. Warszawa, 1939. S. 4.

111 Kozak S. Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie... S. 21.

112 Monitor Polski. Dziennik urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. № 41. Warszawa. 19 lutego 1930. S. 2.

с советской экономической литературой; правовая комиссия, проводившая сравнительные исследования права Советской Украины; комиссия истории литературы, занимавшаяся исследованиями украинской литературы, с отдельным семинаром, посвященным Т. Шевченко, изданием к его столетию собрания сочинений и переводом его произведений на европейские языки; комиссия по делам перевода священных книг и литургии на украинский язык, во главе с митрополитом Варшавским Дионисием, которая, что любопытно, занималась переводом книг Нового Завета, за исключением Евангелий, «перевод которых на украинский язык уже был утвержден бывшим российским Священным Синодом»¹¹³ (под руководством комиссии или в сотрудничестве с ней были переведены Псалтирь, акафисты, литургия Иоанна Златоуста, литургия Василия Великого, таинства крещения, брака, исповеди, панихида и др.)¹¹⁴; комиссия изучения украинского движения, купившая архив М. Драгоманова у его дочери и собиравшая материалы, касающиеся украинского движения, особенно периода Первой мировой войны и УНР, в архивах, в том числе иностранных; с 1933 г. работала комиссия изучения польско-украинских вопросов, исследовавшая взаимные влияния польского и украинского народов в историческом, культурном и экономическом аспектах¹¹⁵. В рамках работы последней комиссии, в частности, была издана монография Л. Василевского «Украинский вопрос как международная проблема», в которой автор выражал уверенность в том, что рано или поздно Украина станет независимым государством. Комиссия издавала «Бюллетень Комиссии по изучению польско-украинских проблем» («Bulletin de la Commission pour l'étude des problèmes polono-ukrainiens»)¹¹⁶ на французском языке.

Украинский институт активно сотрудничал с Институтом изучения национального вопроса, Институтом изучения Восточной Европы в Вильно, Восточным институтом, Научным обществом им. Т. Шевченко во Львове¹¹⁷, с украинскими организациями за рубежом.

113 Pięć lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. S. 12.

114 Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I.1939. S. 4.

115 Pięć lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. S. 12.

116 Ibid. S. 17.

117 Ibid. S. 20.

Институт готовил и молодых ученых: в 1930–1935 гг. его стипендию получали 10 студентов¹¹⁸.

Силами сотрудников института была создана библиотека украинской литературы, состоявшая к 1939 г. примерно из десяти тысяч томов. Особое внимание уделялось сбору советской литературы.

Институт развернул весьма активную издательскую деятельность. Вышло несколько десятков изданий, посвященных истории украинских земель, с особенным вниманием к истории украинского движения, украинской литературе и филологии, в частности «Карта диалектов Украины», собрание сочинений Т. Шевченко. Выпускались церковные книги на украинском языке.

Обстоятельно изучалось современное положение дел в УССР. В рамках информирования польского общества об украинской культуре 15 марта 1936 г. в здании института Ю. Пилсудского Украинским институтом был организован торжественный вечер, посвященный 75-летию со дня смерти Т. Шевченко¹¹⁹.

В заключение отметим, что литературы, посвященной деятельности данной организации, совсем немного. Проф. С. Козак посвятил институту и его руководителям несколько статей в разные годы. Польский исследователь А. Середницкий написал в 1994 г. монографию о сотрудничестве теологического центра в Варшавском университете с Украинским институтом. А. В. Портнов посвятил ему раздел своей монографии¹²⁰.

Создание общественно-государственных альянсов, экспертных сообществ, которые становились не просто рупором государственной пропаганды, но и научной базой для формирования основ политики по конкретным проблемам, было в межвоенный период веянием времени и даже своего рода модой. Польские научные и политические кадры не остались от нее в стороне. Сочетание государственной и частной

118 Ibid. S. 21.

119 Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I. 1939. S. 18.

120 См., например: *Kozak S. Ołeksandr Łotoćkyj – uczony, dyplomata i polityk // Kozak S. Z dziejów Ukrainy. Religia. Kultura. Myśl społeczna. Warszawa, 2006. S. 326–338; Serednicki A. W kręgu współpracy uchonych polskich i ukraińskich w Warszawie (1925–1939): (z historii Studium Teologii Prawosławnej UW i Ukraińskiego Instytutu Naukowego). Warszawa, 1994; Портнов А. В. Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльність...*

инициативы позволило сформировать сеть экспертных организаций по конкретным направлениям национального вопроса, позволявших аккумулировать актуальные знания по каждому его сегменту, а также подготовить кадры как для научной работы, так и для политической и даже диверсионной деятельности. Их деятельность зачастую сопровождалась внутренними конфликтами. Различные политические силы имели свои представления о желаемом направлении развития научных площадок. Сам двойственный характер этих организаций – одновременно научный и пропагандистский – также не всегда был их сильной стороной. В их исследованиях теория была почти всегда подчинена практической цели: сделать Польшу лидером в Восточноевропейском регионе и ослабить основных его противников – Россию и Германию; заставить Запад смотреть на Россию польскими глазами, а национальные движения народов СССР – работать на его ослабление.

Источники и литература

Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России-СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т. 3. С. 318–414.

Гришин Я. Я., Галуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1 (26). С. 6–6.

Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020: сб. ст. / под ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. М.: Кучково поле, 2020. 176 с.

Портнов А. В. Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльність української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939). Харків: ХІФТ, 2008. 256 с.

Симонова Т. М. Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920–1930) // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1 / отв. ред. Н. Т. Энеева. М.: Наука, 2005. С. 266–290.

Симонова Т. М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.

II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego / pod red. P. Libery. Warszawa: Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.

Boruta M. Instytut badań spraw narodowosciowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną // Przegląd polonijny. 1985. № 2. S. 63–79.

Dworek R. [R. Jurkowski]. Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // Europa. Pismo Europy Wschodniej. 1989. № 1. S. 5–21.

Dworek R. [R. Jurkowski]. Instytut Europy Wschodniej (1930–1939) // Libertas. Kwartalnik Społeczno-Polityczny. Warszawa, 1988. № 12. S. 26–47.

Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowościowych 1922–1932. Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych, 1932. 45 s.

Engelking A. Poleska ekspedycja etnosocjologiczna Józefa Obrębskiego w latach 1934–1937: Organizacja, Metody badań, Problematyka, Uczestnicy // Etnografia Polska. 2001. T. XLV. № 1–2. S. 23–45.

Engelking A. Nieznani badacze Polesia w latach trzydziestych XX wieku: Roman Chromiński, Jan Teodorowicz, Zygmunt Korybutiak: Z archiwaliów ekspedycji etnosocjologicznej Józefa Obrębskiego // Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych: Problematyka – badacze – znaczenie / pod red. Z. Jasiewicza. Poznań: Biblioteka Telgte, 2004. (Prace Komitetu Nauk Etnologicznych PAN. № 12). S. 203–213.

Grott O. Instytut badań spraw narodowościowych i Komisja naukowa badań Ziemi Wschodnich w planowaniu polityki II Rzeczypospolitej Polskiej na Kresach Wschodnich. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2013. 322 s.

Ilgiewicz H. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2019. 264 s.

Instytut Wschodni w Warszawie. Statut. Warszawa: b. w., 1928. 11 s.

Iwański T., Libera P., Gryźlak F. Wywiad s Sergiuszem Mikuliczem // Nowy Prometeusz. 2013. № 5. S. 217–224.

Jackiewicz M., Bujnicki T. Teodor Bujnicki w Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie // Teodor Bujnicki. Ostatni bard Wielkiego Księstwa Litewskiego / pod red. T. Bujnickiego. Białystok: Książnica Podlaska, 2012. S. 53–54.

Kornat M. Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. T. I. 379 s.

Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii // Kwartalnik Historyczny. 2000. Rocznik CVII. № 3. S. 43–89.

Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i początki sowietologii w Polsce międzywojennej. Próba monografii // Kornat M. Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939. Kraków: Arkana, 2003. S. 15–106.

Kornat M. W kręgu ruchu prometejskiego. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923) i Instytut Wschodni w Warszawie (1925–1939) // Politeja. 2004. № 2. S. 349–391.

Kozak S. Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie (1930–1939) // *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*. Warszawa, 2008. [T.] 25–26. S. 15–22.

Krawcewicz A. Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki na przykładzie koncepcji prometejskiej // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*. *Acta Politica*. 2014. № 28. S. 23–38.

Libera P. Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)* / pod red. M. Kornata. Warszawa: Instytut historii PAN, 2012. S. 219–244.

Libera P. Orientalistyczne Koło Młodych przy Instytucie Wschodnim w Warszawie (1929–1939) // *Nowy Prometeusz*. 2018. № 12. S. 103–117.

Libera P. Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej i Szkoły Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939) // *Dzieje najnowsze*. 2021. *Rocznik LIII*. № 4. S. 67–84.

Maj I. P. Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza Rytm, Fundacja “Historia i Kultura”, 2007. 291 s.

Mikulicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. 313 s.

Monitor Polski. Dziennik urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 19 lutego 1930. № 41.

Nowak A. Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni. Kraków: Arkana Historii, 2007. 403 s.

Pięć lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. Warszawa: b. w., 1935. 27 s.

Początki sowietologii: Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie. Idee – ludzie – dziedzictwo. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. 570 s.

Potocki R. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930–1939 // *Przegląd Zachodni*. 2000. № 2 (295). S. 211–219.

Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940) / pod red. M. Kornata. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2012. 356 s.

Serednicki A. W kręgu współpracy uchonych polskich i ukraińskich w Warszawie (1925–1939): (z historii Studium Teologii Prawosławnej UW i Ukraińskiego Instytutu Naukowego). Warszawa: s. n., 1994. 211 s.

Schattkowsky R. Osteuropa-forschung in Polen 1918–1939. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. 342 S.

Schomacker J. Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation. Berlin: Bund Dt. Osten, 1939. 28 S.

Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I. 1939. Warszawa: b. w., 1939. 24 S.

Stach St. The Institute for Nationality Research (1921–1939) – A Think Tank for Minority Politics in Poland? // Religion in the Mirror of Law Eastern European Perspectives from the Early Modern Period to 1939. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2016. P. 149–182.

Statut Instytutu badań spraw narodowościowych. Warszawa: b. w., 1928. 8 s.

Stoczewska B. Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Krakow: Księgarnia Akademicka, 1998. 397 s.

Światłowski B. Prometejska racja stanu. Źródła i dzieje ruchu prometejskiego w II Rzeczypospolitej // Poliarchia. 2014. № 2. S. 147–180.

Szawłowski R. i H. Polish Sovietology, 1918–1939 // The Polish Review. 1972. T. XVIII. № 3. P. 3–36.

Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego / wstęp, wybór i oprac. A. Chojnowski. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1999. 300 s.

Werschler I. Tadeusz Hołówko. Życie i działalność. Z dziejów obozu belwederskiego. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1984. 397 s.

Wyślouch S. Stosunki narodowościowe na terenie wojewódstw wschodnich (Wilno 1939/40). Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2013. 303 s.

Zienkiewicz T. Literatura rosyjska na łamach biuletynu Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie “Balticoslavica” (1933–1938) // Acta Polono-Ruthenica. Olsztyn, 2006. T. XI. S. 85–95.

References

II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego. Ed. by P. Libery. Warszawa: Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013, 575 p.

Boruta, M. “Instytut badań spraw narodowościowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną.” *Przegląd polonijny*, 1985, No 2, pp. 63–79.

Bylinin, V. K., Zdanovich, A. A., Korotajev, V. I. “Organizatsiia «Prometei» i «prometeiskoe» dvizhenie v planakh pol'skoi razvedki po razvalu Rossii-SSSR.” *Trudy Obshchestva izucheniia istorii otechestvennykh spetssluzhb*, 2007, vol. 3. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 318–414.

Dziesięciolecie działalności Instytutu badań spraw narodowościowych 1922–1932. Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych, 1932, 45 p.

Dworek, R. [Jurkowski, R.]. “Instytut Europy Wschodniej (1930–1939).” *Europa. Pismo Europy Wschodniej*, 1989, No 1, pp. 5–21.

Dworek, R. [Jurkowski, R.]. “Instytut Europy Wschodniej (1930–1939).” *Libertas. Kwartalnik Społeczno-Polityczny*, 1988, No 12, pp. 26–47.

Engelking, A. "Nieznani badacze Polesia w latach trzydziestych XX wieku: Roman Chromiński, Jan Teodorowicz, Zygmunt Korybutiak: Z archiwaliów ekspedycji etnosocjologicznej Józefa Obrębskiego." *Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych: Problematyka – badacze – znaczenie*, ed. by Z. Jasiewicz. Poznań: Biblioteka Telgte, 2004, pp. 203–213.

Engelking, A. "Poleska ekspedycja etnosocjologiczna Józefa Obrębskiego w latach 1934–1937: Organizacja, Metody badań, Problematyka, Uczestnicy." *Etnografia Polska*, vol. XLV, 2001, No 1–2, pp. 23–45.

Grishin, Ia. Ia., Galiullin, M. Z., Kadyrov, R. R. "Prometeizm kak odin iz instrumentov antisovetskoj bor'by II Rechi Pospolitoi v 1918–1932 gg.: istoriia i sovremennost'." *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2021, vol. 9, No 1(26).

Grott, O. *Instytut badań spraw narodowościowych i Komisja naukowa badań Ziemi Wschodnich w planowaniu polityki II Rzeczypospolitej Polskiej na Kresach Wschodnich*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2013, 322 p.

Ilgiewicz, H. *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2019, 264 p.

Instytut Wschodni w Warszawie. Statut. Warszawa, s. n., 1928, 11 p.

Iwański, T., Libera, P., Gryźlak, F. "Wywiad s Sergiuszem Mikuliczem." *Nowy Prometeusz*, 2013, No 5, pp. 217–224.

Jackiewicz, M., Bujnicki, T. "Teodor Bujnicki w Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie." *Teodor Bujnicki. Ostatni bard Wielkiego Księstwa Litewskiego*, ed. by T. Bujnicki. Białystok: Książnica Podlaska, 2012, pp. 53–54.

Kornat, M. *Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939)*, vol. I. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004, 379 p.

Kornat, M. "Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii." *Kwartalnik Historyczny*, rocznik CVII. 2000, No 3, pp. 43–89.

Kornat, M. "Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i początki sowietologii w Polsce międzywojennej. Próba monografii." *Idem. Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939*. Kraków: Arkana, 2003, pp. 15–106.

Kornat, M. "W kręgu ruchu prometejskiego. Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych (1921–1923) i Instytut Wschodni w Warszawie (1925–1939)." *Politeja*, 2004, No 2, pp. 349–391.

Kozak, S. "Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie (1930–1939)." *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*, 2008, No 25–26, pp. 15–22.

Krawcewicz, A. "Ideologiczne podstawy polskiej geopolityki na przykładzie koncepcji prometejskiej." *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Acta Politica*, 2014, No 28, pp. 23–38.

Libera, P. "Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym." *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)*, ed. by M. Kornat. Warszawa: Instytut historii PAN, 2012, pp. 219–244.

Libera, P. "Orientalistyczne Koło Młodych przy Instytucie Wschodnim w Warszawie (1929–1939)." *Nowy Prometeusz*, 2018, No 12, pp. 103–117.

Libera, P. "Polityczne aspekty funkcjonowania Instytutu Badawczego Europy Wschodniej i Szkoły Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939)." *Dzieje najnowsze. Rocznik LIII*, 2021, No 4, pp. 67–84.

Maj, I. P. *Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, Oficyna Wydawnicza Rytm, Fundacja "Historia i Kultura", 2007, 291 p.

Mikulicz, S. *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971, 313 p.

Nowak, A. *Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni*. Kraków: Arkana Historii, 2007, 403 p.

Pięć lat istnienia Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1930 – 13.III.1935. Warszawa: s.n., 1935, 27 p.

Początki sowietologii: Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie. Idee – ludzie – dziedzictwo. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021, 570 p.

Pol'sha v bor'be za Vostochnuiu Jevropu 1920–2020, ed. by V. Iu. Krasheninikova, D. S. Bunevich. Moscow: Kuchkovo pole, 2020, 176 p.

Portnov, A. V. *Nauka u vyhnanni: Naukova i osvintia diial'nist' ukrains'koï emihratsii v mizhvoïenniï Pol'shchi (1919–1939)*. Kharkiv: HIFT, 2008, 256 p.

Potocki, R. "Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930–1939." *Przegląd Zachodni*, 2000, No 2 (295), pp. 211–219.

Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940), ed. by M. Kornat. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2012, 356 p.

Schattkowsky, R. *Osteuropa-forschung in Polen 1918–1939*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019, 342 p.

Schomacker, J. *Politische Wissenschaft in Polen und ihre Organisation*. Berlin: Bund Dt. Osten, 1939, 28 s.

Serednicki, A. *W kręgu współpracy uchonych polskich i ukraińskich w Warszawie (1925–1939): (z historii Studium Teologii Prawosławnej UW i Ukraińskiego Instytutu Naukowego)*. Warszawa: s.n., 1994, 211 p.

Simonova, T. M. "Prometeizm vo vneshnei politike Pol'shi. 1919–1924 gg." *Novaia i noveishaia istoriia*. 2002, No 4, pp. 47–63.

Simonova, T. M. "Kontseptsiiia «prometeizma» i politika Pol'shi v otnoshenii emigratsii iz Rossii (1920–1930)." *Problemy istorii Russkogo zarubezh'ia: Materialy i issledovaniia*, issue 1, ed. by N. T. Enejeva, 2005, pp. 266–290.

Sprawozdanie Ukraińskiego Instytutu Naukowego. 13.III.1935 – 15.I. 1939. Warszawa: s.n., 1939, 24 p.

Stach, St. “The Institute for Nationality Research (1921–1939) – A Think Tank for Minority Politics in Poland?” *Religion in the Mirror of Law Eastern European Perspectives from the Early Modern Period to 1939.* Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2016, pp. 149–182.

Statut Instytutu badań spraw narodowościowych. Warszawa: s.n., 1928, 8 p.

Stoczewska, B. *Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego.* Krakow: Księgarnia Akademicka, 1998, 397 p.

Światłowski, B. Prometejska racja stanu. Źródła i dzieje ruchu prometejskiego w II Rzeczypospolitej. *Poliarchia*, 2014, No 2, pp. 147–180.

Szawłowski, R. & H. “Polish Sovietology, 1918–1939.” *The Polish Review*, 1972, vol. XVIII, No 3, pp. 3–36.

Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego. Intro, selection & preperation for printing A. Chojnowski. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1999, 300 p.

Werschler, I. *Tadeusz Hołówko. Życie i działalność. Z dziejów obozu belwederskiego.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1984, 397 p.

Wysłouch, S. *Stosunki narodowosciowe na terenie wojewódstw wschodnich (Wilno 1939/40).* Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2013, 303 p.

Zienkiewicz, T. “Literatura rosyjska na łamach biuletynu Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie «Balticoslavica» (1933–1938).” *Acta Polono-Ruthenica*, 2006, vol. XI, pp. 85–95.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.09

D. A. Korotkova

**At the Interrection of Science and Propaganda:
National Question Studies in Interwar Poland
(Concepts, Institutions, Personalities)**

Darya A. Korotkova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: d.korotkova@inslav.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Citation

Korotkova D. A. At the Interection of Science and Propaganda: National Question Studies in Interwar Poland (Concepts, Institutions, Personalities) // Slavic Almanac. 2025. No 1–1. P. 211–247 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.09

Received: 27.12.2024.

Revised: 31.01.2025.

Accepted: 18.03.2025.

The article is devoted to the history of the scientific and propaganda background of Polish national policy in the interwar period. Poland's political course developed under a strong influence of the ideology of prometheism, which was created by supporters of Marshal J. Pilsudski. This ideology was supposed to unite the small nations of Eastern Europe around Poland and to contribute to the disintegration of Russia. There are practically no descriptions of specific organizations in which this ideology was formed and honed in the Russian historical literature. In this article, the author tries to partially fill in this gap. This study is devoted to the history of specific scientific institutions which were to study various aspects of the national question in connection with Promethean ideas. Their characteristic feature was the exploitation of a serious scientific base to solve specific political problems. The Oriental Institute, the Institute for the Study of the National Question, the Ukrainian Scientific Institute in Warsaw, and the Scientific Research Institute of Eastern Europe in Vilno combined the functions of research, often commissioned by the authorities for propaganda activities, and also collaborated with law enforcement agencies in the training of intelligence and sabotage personnel. The article provides an overview of the goals and objectives of these organizations, lists their leaders, and describes key moments in their history.

Keywords

Prometheism, Institute for Study and Analysis of Eastern Europe, Institute for the Study of the National Question, Ukrainian Scientific Institute, Oriental Institute, Tadeusz Holowko, Leon Wasilewski.